

А. Б. Григорьева

Курганский государственный университет

Локальные особенности драматургии свадьбы Среднего Притоболья и Приисетья

Исследуются типы русской свадьбы Зауралья, сформировавшиеся в специфической исторической, географической, демографической, социальной, экономической среде. Главные переселенческие потоки в условиях замкнутости жизни и крестьянского быта населения Среднего Притоболья и Приисетья повлияли на формирование и устойчивость основных локальных компонентов структуры свадебного обряда. Прослеживается развитие свадьбы как живого организма. Одни ее компоненты исчезали, другие оставались только как форма или наполнялись иным содержанием. Устойчивость локальных традиций обеспечивалась за счет признанного обычая «играть свадьбы по невесте», то есть по традиции той деревни, откуда брали невесту. Поэтому традиции и обычаи свадебного обряда разных сел не смешивались, не утрачивались отдельные локальные приметы. В свадебных обрядах исследуемых нами регионов выявлены как типологические, так и специфические черты. С течением времени свадьба становилась все более разноликой: ослабевали каноны, усиливалась роль импровизации, что в конечном итоге привело к распаду обряда традиционной свадьбы, который фактически завершился к середине XX в. Структура всего свадебного обряда значительно сократилась по времени, одни обычаи исчезли совсем, другие утратили свое прежнее значение. К 40-м гг. XX в. произошло переосмысление многих обрядов, наблюдалась тенденция превращения некоторых обрядов в игры.

Ключевые слова: свадьба, Зауралье, Среднее Притоболье, Приисетье, структура свадебного обряда, сватовство, рукобитье, сговор, девичник, «баенный» обряд, «сход свах», венчание.

Свадебный обряд имеет общерусские, региональные и локальные особенности, которые определяются социальными, историческими, географическими, демографическими, экономическими обстоятельствами. Региональные традиции, особенно отдаленных от центра областей, отразили многослойность верований народа, обычаев, обрядов, человеческих отношений.

По убеждению Б. Н. Путилова, «фольклор в его конкретных материальных выражениях, в живой функциональной плоти, в реальных “единицах” текстов существует только как региональный/локальный» [Путилов, 2003, с. 158].

Григорьева Алена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Курганского государственного университета (ул. Комсомольская, 38, Курган, 640023, Россия; alyona-grigoreva@yandex.ru)

Цель нашей работы – выявить типологию локальных особенностей свадебных обрядов Среднего Притоболья и Приисетья, а также их отличительные черты.

Хрестоматийным в отечественной науке стало выделение трех типов русской свадьбы: «севернорусского, среднерусского и южнорусского» [Зуева, Кирдан, 2003, с. 92]. По словам А. М. Кальницкой «названия типов даны прежде всего по той первоначальной, исконной территории, на которой данный тип сформировался исторически и на которой он распространен, в первую очередь, и в наше время» [Кальницкая, 1984, с. 2].

Для нас особый интерес представляет севернорусский тип свадьбы в связи с тем, что первоначальное освоение территорий Среднего Притоболья и Приисетья происходило переселенцами из северных губерний.

Локус Среднего Притоболья – это значительная территория Западной Сибири, заселение которой происходило начиная с конца XVII в. Старообрядческие села Приисетья сформировались в конце XVII столетия. Именно здесь сохранились лучше, чем в других местах, архаические верования и старинные обряды. Особенностью данных регионов является устойчивость жизни населения, отсутствие больших внутренних движений, а также отсутствие крупных городов.

Свадебная обрядность входит в круг особенно важных в жизни отдельного человека и общества обычаев, поэтому наиболее оберегаемых. Общественная значимость свадьбы – одна из причин устойчивости ранней стадии обряда.

Однако свадьба как живой организм развивалась. Одни ее компоненты исчезали, другие оставались только как форма или наполнялись иным содержанием.

Анализ имеющихся материалов по свадебной обрядности конца XIX – начала XX в. свидетельствует о том, что время свадеб как для Среднего Притоболья, так и для Приисетья было исконно традиционным: «До Крещения не сватались и замуж не выходили. <...> Весной, летом, осенью не играли свадьбы, это редко-редко, – может, в год одна свадьба, на другой – совсем нет. <...> Начинают свататься в промежованье...» [Екимов, 2002, с. 45].

Относительно сроков свадьбы поздние зауральские источники соотносятся с ранними новгородскими: «Той же весне оженился Мьстиславъ Новогороде... межи Рождеством и Крещением» [Новгородская первая..., 1950, с. 35].

Свадьбы в Вологодской и других северных губерниях, из которых в Зауралье шел основной ранний переселенческий поток, «устраивались, как правило, зимой, в зимний мясоед (время между рождественским и великим постами)» [Балашов, Марченко, 1985, с. 26].

Главным периодом старообрядческих свадеб Южного Зауралья, исследованных В. П. Федоровой, было «время от Рождества до Крещения» [Федорова, 1997, с. 182].

Свадебные обряды каждого исследуемого нами региона сохранили устойчивую структуру. Устойчивость локальных традиций обеспечивалась негласным договором «играть свадьбу по невесте». Весь обряд подчинялся той традиции, которая была характерной для селения, откуда высватывалась невеста. В силу этого обычая не разрушалась традиция ни драматургии, ни мелоса.

Повсеместно свадьба открывалась сватовством. Сакральность свадьбы вызвала необходимость включения в обряд сакральных персон – сватовщиков, крестных отцов и матерей. Номенклатура чинов-сватовщиков уже к 20-м гг. XX в. имела широкую амплитуду. В некоторых северных губерниях данная функция была зафиксирована за определенным полом. В свадебном обряде Шатровского района «в качестве сватов выступали крестный, крестная и дядя. Профессиональной свахи, то есть постороннего, светского человека, не было. Если сватовство состоится, крестный получит звание тысяцкого, а крестная – коренной свахи» [Федорова, 1997, с. 202]. А. И. Мякутин зафиксировал разрушенность комплекса свадебных чинов у казаков в конце XIX в.: «Когда выбор окончен, избирают сватовщика или

сватовщицу» [Материалы для географии..., 1864, с. 236]. Вероятно, казачья среда диктовала традицию главенствующей роли мужчины в обществе и в семье. Что касается свадебного обряда Среднего Притоболья, то здесь главная функция сватовства принадлежала свахе: «Приехали сватовщики к невесте на паре лошадей: жених, сваха и отец с матерью» [Екимов, 2002, с. 51]. По варианту информанта Е.И. Гореловой из с. Давыдовского «среди сватовщиков главную роль играла сваха» (Давыдовское-81, с. 11). Даже в поздних записях свадебного обряда зафиксировано обязательное присутствие свахи. Состав сватовщиков варьировался, но чин свахи был обязательным. Вероятно, эта традиция отразила глубинную архаику обрядов, в которых доминирующую роль играла женщина.

Сватовство было наполнено значительным рядом мифологизированных действий, выполнявшихся свахой для благополучного исхода. Анализ материалов обнаруживает сохранность в свадьбе Среднего Притоболья еще в середине XX в. представлений о сакральности печи, отмеченных на Севере и в свадебном обряде старообрядцев Южного Зауралья, населенном выходцами из северных земель. Сакральность этого локатива отмечал А. К. Байбурин: «Печь занимала исключительное место в системе народных обрядов, верований и представлений. Она являлась одним из наиболее значимых элементов жилища» [Байбурин, 1983, с. 160]. В Вологодской свадьбе «сват, входя в дом, проходил к печи и брякал печной заслонкой» [Балашов, Марченко, 1985, с. 27]. В. П. Федорова записала обычай, существовавший в среде старообрядцев еще в конце 50-х гг. XX в. Считалось, что прикосновение к печке ведет к неизбежному согласию девушки на брак даже при ее внутреннем сопротивлении: «По поверьям старообрядцев, положительному решению вопроса способствовала печь. Если невеста оказывалась у печи, то свадьба представлялась неотвратимой» (Широково-88, с. 69). Бытование этого обычая в Тюменском уезде отметила Л. В. Демина [Демина, 2005, с. 21].

О сохранности древней традиции почитания печи в Среднем Притоболье свидетельствует убеждение невест конца 20-х – 30-х гг. XIX в., что печь играла ведущую роль в исходе сватовства: «...меня приехали сватать, дак я сразу к печке встала и вышла. Девки потом говорят: “Чо ты, к печке-то зачем встала? Приехали свататься, дак сразу тебя просватают”. А я ничо не знала, дак встала к печке» [Екимов, 2002, с. 56]. О влиянии печи на исход сватовства знали, естественно, свахи: «Во-первых, сваха должна была коснуться ладонью печки в доме родителей невесты, чтобы сватовство состоялось: “Мол, от нашего дома вашему очагу привет”» [Там же, с. 60].

Отличительной особенностью свадебной традиции шатровских поселений было сохранение обряда «скакания невесты по лавочке». Известный этнограф Д. К. Зеленин рассматривал его как отголосок обрядового празднества «совершеннолетия девицы у русских» [Зеленин, 1911, с. 237]. Бытование обычая в среде старообрядцев подтверждает мысль о том, что они старались не разрушить культуру прошлого. В Приисетье обычай выглядел так: «В присутствии сватовщиков девушка вскакивала на лавку, которая стояла у печи, ходила по ней со словами: “Хочу – вскочу”, если желала выходить замуж. Если не было желания выходить замуж за данного жениха, девушка говорила, ходя по лавке: “Не хочу – не вскочу”. Но обычай информантами характеризуется как старинный, исполнявшийся матерями и бабушками» (Мостовка-89, с. 64). Однако к концу XIX в. отмечается разрушение этого обычая. В Ильине вспоминают и такую форму сватовства: «Невеста прыгает по лавочке, а жених ходит рядом со штанами и ждет, когда она в них прыгнет» (Ильино-1986, с. 71).

Сопоставление архивных и опубликованных материалов позволяет сделать вывод об устойчивости рукобитья. В публикации М. Г. Екимова отмечено, что эта структурная часть обряда сохранялась до 30-х гг. XX в. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушаков определяет рукобитье как «старый обычай – хлопание

рукой по руке при заключении соглашения, сделки», «часть старинного свадебного обряда – соглашение отцов жениха и невесты» [Ушаков, 1939, т. 3, с. 1401]. По В. И. Далю рукобיתье – это «битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв полами кафтанов, в знак конечного согласия; конец сватовства и начало свадебных обрядов» [Даль, 1999, т. 4, с. 112].

В Вологодской свадьбе данный обычай назывался «запоруки» и считался традиционным началом самой свадьбы. «Название “запоручивать” происходит оттого, что обе стороны “бьют по рукам” – сговариваются» [Балашов, 1985, с. 33]. У старообрядцев сватовство на памяти старожилов Зауралья переходило в сговор (просватку). В Ильине «сговор именовался договором. Во время договора по рукам уже не били, просто договаривались. Договор заканчивался богомольем. Следовательно, эти два этапа свадьбы слились» (Ильино-1986, с. 72). На рукобיתье и сговоре исследуемых нами регионов две стороны свадебного обряда окончательно договаривались о сроках свадьбы, расходах на свадьбу, о величине «калыма», о подарках со стороны жениха и т. д. Рукобיתье и сговор подтверждали окончательное закрепление сватовства и переходили в девичник, который оказался устойчивым во всех регионах.

По «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, девичник – «устаревший обычай – вечеринка с подругами накануне венчания в доме невесты» [Ушаков, 1935, т. 1, с. 668]. В. А. Лапин девичником называет «первый вечер, которым начинается период после рукобיתья до дня венчания» [Лапин, 2002, с. 19]. По мнению Ю. Г. Круглова, «последний перед свадьбой день (вечер, неделя) назывался девичником» [Круглов, 1982, с. 62]. Н. А. Миненко называет девичник «публичным прощанием девушки с девичеством, с “девьей волей” и “красотой”» [Миненко, 1979, с. 237]. В с. Утятское современного Притобольного района «девичником называли приготовление к свадьбе, шить приданое. Длится девичник неделю» (Утятское-88, с. 115). «Каждый день к ней бегут девки. Шьют приданое и подарки жениховой родне» (Давыдовское-1981, с. 117).

В свадебном обряде старообрядцев Шатровского района Курганской области слово «девичник», неизвестное здесь, заменено словом «вечерка» [Федорова, 1997, с. 203].

Исследование свадьбы Среднего Притоболья позволило увидеть различие в бытовании такого компонента драматургии свадьбы, как «выть» – «петь зорю». Д. М. Балашов отметил широкое бытование обычая в Вологодской земле, с которой зауральцев связывала единая епархия, что способствовало миграции северян в земли по Исети. Если невеста была сирота, она с подругами ходила на кладбище за благословением, где причитала, и каждый вечер на заходе солнца девушки выходили на улицу «петь зорю». Таким образом невеста просила благословения на свадьбу у своих мертвых родителей. Если невеста была не сирота, то «зорю петь» в Среднем Притоболье не ходила. Произошла подмена прародителей – общих предков – своими родителями. Если они были живы, то обращения к предкам не было. В свадьбе старообрядцев Приисетья еще в начале XX в. подруги вместе с невестой «кричали зорю» утром в день венчания. Сами информанты Приисетья «зорю не кричали», «вместо “кликанья зори” утвердилось обращение девушек к матери невесты в другую комнату» [Федорова, 1997, с. 205].

Типологическим для исследуемых регионов был «баенный обряд». Значимость бани в свадьбе как определенной вехи в обряде проявляется в том, что она завершала девичник. По словам Е. Г. Кагарова, купание невесты накануне венчания в бане относится к обрядам, обеспечивающим плодovitость. Исследователь объяснял его как отзвук ритуала бракосочетания невесты с духом бани. «Я полагаю, – писал он, – что обрядовое купание невесты в бане является пережитком старинного ритуала бракосочетания невесты с духом бани, банником, которому она при-

носила в жертву свою девственность с целью обеспечить себе плодородие» [Кагаров, 1926, с. 171].

В северной свадебной традиции бани было две: реальная накануне дня венчания и условная, или «белая», утром венчального дня, то есть на другой день относительно реальной бани. Реальная баня, куда невеста ходила с подругами и со знахаркой, была настоящей, а «белая» баня – символической: «собственно не баня, а банный причет, с которым девушки попросту выходили из избы. Эта баня могла перемещаться по обряду, что нередко и происходило» [Балашов, Марченко, 1985, с. 105]. О разрушении северной традиции в Притоболье свидетельствует отсутствие второй бани. Обязательной была баня невесты накануне дня венчания. «...Завтра – свадьба. Сегодняшний день топят баню...» [Екимов, 2002, с. 68], «если в воскресенье – свадьба, то баня – в субботу» [Там же, с. 69].

В среде зауральских старообрядцев наличие в свадебном обряде ритуала двух бань сохранялось до середины XX в., что свидетельствует об устойчивости северной свадебной традиции. Девушки Шатровского района ездили к жениху за венником, а мыло и вехотку к бане жених привозил сам (Широково-88, с. 72). В Ирюме «жених приходил “на баню невесты”, шел вместе с подругами до бани, ждал, когда суженая-ряженая вымоется. Вместе с девичьей компанией возвращался в дом невесты» (Ильино-1986, с. 53). По другому варианту задача жениха состояла в том, чтобы «вовремя уехать, пока невеста не стала выходить из бани» (Там же, с. 60). В свадебном обряде казаков Притоболья подруги невесты тоже «ходили к жениху за мылом» [Материалы для географии..., 1864, с. 221]. В остальных селах и деревнях Среднего Притоболья в соответствии с северной традицией к жениху за мылом и венником не ходили.

Особенностью свадебных обрядов Среднего Притоболья и Приисетья является баня жениха, которая проходила параллельно бане невесты и не встречалась в северном свадебном обряде. Вероятно, в данных регионах баня жениха возникла по аналогии с баней невесты. Однако материалы позволяют говорить о том, что уже в начале XX в. древнее содержание данного обряда разрушилось, сохранилась форма – яркая, зрелищная.

Типологичными для Среднего Притоболья и Приисетья являются обряды венчания и свадебного пира. Представление о важности обрядов дня венчания раскрывается в сохранении их и в позднее время. Это акт окончательного прощания невесты с родным домом, с родителями, переход ее на «чужую» сторону.

День венчания структурно сложен. К комплексу действий, осуществляющих отчуждение невесты от родного дома и семьи, принадлежит бужение невесты утром в день венчания, «предвещающее наступление изменений в ее жизни» [Демина, 2005, с. 36].

Особым этапом дня венчания было косокрашение невесты. Одетую невесту особым образом причесывали, «раскрашивали ей косу». «Косу плели рогожкой в пять сосенок или “во мельчато зернышко”, вплетая алую ленту и втыкая множество гребенок» [Екимов, 2002, с. 212]. Слова «косокрашение» в двоеданской свадьбе нет, обряд косокрашения имел название «плести косу» [Федорова, 1997, с. 212].

Устойчивость традиции свадьбы проявилась в сохранении старообрядцами и среднепритобольцами бани для молодых, которая состоялась на второй день. В памяти информантов баня воспринималась как необходимый, но игровой момент обряда. Разрушение обряда шло по линии содержания, его форма оставалась прежней. Об этом свидетельствуют действия молодых. «Они не мылись, в лучшем случае обливали лица водой» (Самохвалово-91, с. 75).

В народной фольклористике 30-х гг. XX в. просматривается разрушение архаичной мифологемы второй бани. Она трактуется как «комическая» составная свадьбы. Так, старожилы уверяют, что «баню топили “для смеху” голиками, вме-

сто горячей воды “употребляли” снег» [Миненко, 1979, с. 251]. Семантика данного обряда была забыта, ей придавали комический оттенок. С точки зрения Л. В. Деминой, «послевоенная баня для молодых закрепляла обретение ими нового статуса» [Демина, 2005, с. 41].

Сопоставление вариантов трех регионов Зауралья выявляет и другие отличительные черты свадьбы Среднего Приоболья. В соответствии с северной традицией в комплекс сватовства свадебного обряда Среднего Приоболья входил смотр «дыма» семьи жениха, который не был зафиксирован в свадьбе старообрядцев Приисетья.

В словаре Н. Д. Ушакова одним из значений лексемы «дым» с пометой «истор.» является «жилье, отдельный дом» [Ушаков, 1935, т. 1, с. 425]. В свадебном обряде Среднего Приоболья осмотр всего хозяйства жениха метонимически назван «смотреть дым», так как печь считалась символом домашнего очага.

Обряд смотра «дыма» семьи жениха в свадебном обряде данного региона совершался, если родители невесты сомневались в женихе. Сваты приглашали их посмотреть его хозяйство: «если уж вам сумнительно, дак вы приезжайте, дом поглядите...» [Екимов, 2002, с. 55]. Материалы позволяют говорить о разрушении исконной семантики этого действия – породнение «дыма» – домов.

До начала XX в. во время девичника в Среднем Приоболье сохранялся обычай «ходить по миру», отражавший древнюю традицию общинности, а также общественную заинтересованность всей округи в создании новой семьи: «После сумерек все девушки отправлялись на лошадях ее отца под окна к кому-нибудь из приглашенных на свадьбу. Одна из девушек принимала на себя роль невесты и причитала. Хозяин дома наделял девушек чем-нибудь съедобным. На другой день хозяйка этого дома стряпала гостинцы для невесты. Вечером девушки опять приезжали под окна этого дома, причитали, а затем отправлялись к другому двору из приглашенных на свадьбу и повторяли эту же историю. Так и питались девушки во все время между девичником и венчанием» [Там же, с. 67]. Материалы позволяют сделать выводы о локальных традициях обычая в разных селах. Где-то он удерживался, где-то исчезал. Так, отмечая бытование обычая в Среднем Приоболье в конце XIX в., Н. О. Осипов указал на его отсутствие в д. Разломайка и с. Раскатиха.

Отличительной особенностью свадьбы Среднего Приоболья являлся обряд «схода свах», который сохранился до 30-х гг. XX в. Н. О. Осипов в 1893 г. описал его со слов знатока свадебных обычаев В. Ф. Бобкова, который играл на свадьбах почетную роль «вежливца»: «Перед невестинной и жениховой свахами постилают ковер или кошму (войлок). Свахи становятся друг против друга, лицом к лицу. <...> Процедура эта называется “сходом свах”; каждая из них старается во что бы то ни стало или не подойти к другой, или подойти возможно медленнее, так чтобы другая прошла большую половину ковра. Которая сваха подойдет скорее к другой – та сторона супружеская будет в подчинении и покорности у другой. <...> Свахи сходятся, принимают друг от друга по рюмке водки, выпивают и потом целуются. <...> Затем каждая наливает по рюмке проводнику другой свахи... Затем невестина сваха обносит вином весь жениховый поезд... присоединяется к нему, и все входят в избу» [Осипов, 1893, с. 105]. Осипов отмечает трепетное отношение зауральцев к обряду «схода свах». Данный обряд предварял ввод невесты в дом жениха после венчания, в нем, вероятно, заключалась глубокая идея «оберега» и соединения. Эта встреча свахи жениха со свахой невесты призвана была отогнать злые силы, она же прогнозировала объединение семей за свадебным столом. В свадебном обряде старообрядцев Шатровского района данный обычай зафиксирован не был.

Таким образом, анализ исследованных материалов позволяет с уверенностью говорить о первостепенной роли в формировании свадебных обрядов Среднего

Притоболья и Приисетья неутраченных северных традиций XVII–XVIII вв., которые явились стержневой основой свадеб данных регионов. Свадебная обрядность поражает своим разнообразием. В каждом селе были свои локальные черты, детали, мотивы. Сопоставление архивных и опубликованных материалов по свадебной обрядности исследуемых регионов позволяет увидеть различные варианты свадеб. Они отличаются друг от друга, но имеют гораздо больше существенного сходства, чем отличий, в главных компонентах своего содержания и формы.

Замкнутость жизни и крестьянского быта населения явились основой устойчивости традиции всего сюжета свадеб Среднего Притоболья и Приисетья, корнями уходящих в Русский Север. Об устойчивости северной свадебной традиции в замкнутых структурах свидетельствуют и сохранившиеся в среде зауральских старообрядцев до середины XX в. обряды сватовства, рукобитья, венчания и свадебного пира, а также «баенный обряд» и обряд бани для молодых, характерные для Севера.

Наши исследования показали, что при общем сценарии свадьбы складывались локальные традиции, характерные не только для куста поселений, но и для отдельных сел. Локальные традиции, как уже указывалось, не разрушались благодаря тому, что свадьбы «играли по невесте». В противном случае, процесс разрушения единой канвы обряда начался бы значительно раньше. Дело в том, что даже в отдельном населенном пункте собирались переселенцы из разных мест со своими традициями. Однако они подчинялись устоявшемуся здесь «куставу» и свои правила не диктовали.

О разрушении северной традиции в Притоболье и сохранении ее в Приисетье свидетельствуют обряды второй бани невесты и «скавание по лавке» на рукобитье. Отличительной особенностью свадьбы Среднего Притоболья было сохранение таких севернорусских свадебных обрядов, как смотр «дыма» жениха, обычай «ходить по миру», «сход свах».

Однако с течением времени свадьба становилась все более разноликой: ослабевали каноны, усиливалась роль импровизации, что в конечном итоге привело к распаду обряда традиционной свадьбы, который фактически завершился к середине XX в. Традиционные элементы в обряде свадьбы утратились в связи с изменением мировоззрения народа, представлений о важности и сакральности некоторых магических действий и обрядов свадебного комплекса. Структура всего свадебного обряда значительно сократилась по времени, исчезли многие этапы свадебного сюжета. В 20-е – 30-е гг. XX в. происходило и стяжение некоторых обрядов, например, в Среднем Притоболье «сватовство и рукобитье соединились» (Давыдовское-81, с. 10). Одни обычаи исчезли совсем, другие утратили свое прежнее значение. К 40-м гг. XX в. постепенно утрачивались архаические представления крестьян, произошло переосмысление многих обрядов, наблюдалась тенденция превращения некоторых обрядов в игры.

Список литературы

- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 192 с.
- Балашов Д. М., Марченко Н. И., Калмыкова Ю. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области) М.: Современник, 1985. 390 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4: Р–V. 688 с.
- Демина Л. В.* Свадебный обряд славян Тюменской области. Тюмень: Экспресс, 2005. 242 с.

- Екимов М. Г. Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область). Куртамыш, 2002. 481 с.
- Зеленин Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия русской девицы. СПб.: Тип. Имп. АН, 1911. (Живая старина: Отд. оттиск; С. 234–246).
- Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: Учеб. для высш. учеб. заведений. 6-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2003. 400 с.
- Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 152–193.
- Кальницкая А. М. Взаимодействие и взаимосвязи поэзии с обрядом в средне-русской свадьбе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 24 с.
- Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.
- Лалин В. А. Музыка свадьбы Среднего Притоболья // Екимов М. Г. Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область). Курган: Куртамыш, 2002. С. 17–35.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба Пермской губернии / Сост. подполковник ген. штаба Х. Мозель. Ч. II. СПб.: Тип. Ф. Персона. 1864. 746 с.
- Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 350 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 652 с.
- Осипов Н. О. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. 1893. Вып. 1, отд. 2. С. 96–114.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
- Ушаков Н. Д. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1935; Т. 3. М.: ГИС, 1939.
- Федорова В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997. 284 с.

Список источников

- Давыдовское-81 – Коллекция «Давыдовское-81» // Арх. кафедры истории литературы и фольклора Курган. гос. ун-та. Село Давыдовское, 1981.
- Ильино-86 – Коллекция «Ильино-86» // Арх. кафедры истории литературы и фольклора Курган. гос. ун-та. Село Ильино, 1986.
- Мостовка-89 – Коллекция «Мостовка-89» // Арх. кафедры истории литературы и фольклора Курган. гос. ун-та. Село Мостовка, 1989.
- Самохвалово-91 – Коллекция «Самохвалово-91» // Арх. кафедры истории литературы и фольклора Курган. гос. ун-та. Село Самохвалово, 1991.
- Утятское-88 – Коллекция «Утятское-88» // Арх. кафедры истории литературы и фольклора Курган. гос. ун-та. Село Утятское, 1988.
- Широково-88 – Коллекция «Широково-88» // Арх. кафедры истории литературы и фольклора Курган. гос. ун-та. Село Широково, 1988.

A. B. Grigor'eva

Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation
alyona-grigoreva@yandex.ru

The local features of wedding drama in Middle Pritobolye and Priisetye

The paper is devoted to the research of the types of Russian wedding in Zauralye, which were formed in specific historical, geographical, demographic, social, economic conditions. Locus «Middle Pritobolye» is a significant area of West Siberia. The population of this area was displaced from the Northern provinces since the end of the 17th century. The Old Believers' villages of Priisetye were formed at the end of the 17th century.

Analysis of the investigated materials allows speaking about a primary role of the north traditions in the formation of the wedding ceremonies in Middle Pritobolye and Priisetye in the 17th – 18th centuries. These traditions were the basis of weddings in these regions. Archaic beliefs and ancient ceremonies are better preserved here than in other places. A feature of these regions is the stability of the life of people, the absence of significant internal migration, and the absence of large cities.

The main migration flows in Middle Pritobolye and Priisetye influenced the formation and stability of the main local components of the wedding ceremony's structure. Such wedding ceremonies as matchmaking, engagement, church wedding and wedding feast, as well as bathing ceremony for the young couple are typical of the Russian North. They show the stability of the Northern wedding tradition in Zauralye until the mid-20th century. Comparison of archival and published materials about wedding ceremony of regions analysed allows seeing different varieties of weddings. They differ from each other but have many significant similarities in the main components of its content and form.

The wedding became eventually more and more diverse, with the canons being weakened, some components disappearing and the others being changed. The stability of local traditions was provided using the custom to celebrate the wedding by the tradition of bride's village. That is why the traditions of various villages did not mix. Both typological and specific features are identified in weddings of these regions. By the middle of 20th century, the decomposition of wedding ended. The wedding ceremony structure was shortened, with some customs disappearing and the others losing their former importance. By the 1940s, many rituals were reinterpreted, and a tendency for certain rituals to be transformed into games was observed.

Keywords: Wedding, Zauralye, Middle Pritobolye, Priisetye, the structure of the wedding ceremony, matchmaking, engagement, agreement, bridal shower, bathing ceremony, «gathering of matchmakers», church wedding.

DOI 10.17223/18137083/64/2

References

- Balashov D. M., Marchenko N. I., Kalmykova Yu. I. *Russkaya svad'ba: Svadebnyy obryad na Verkhney i Sredney Kokshen'ge i na Uftyuge (Tarnogskiy rayon Vologodskoy oblasti)* [The Russian wedding: the wedding ceremony in the Upper and Middle Kockshenga and in Uftuga (Tarnog district Vologda region)]. Moscow, Sovremennik, 1985, 390 p.
- Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [The house in the ceremonies and images of East slavs]. Leningrad, Nauka, 1983, 192 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T. 4: R–V* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Vol. 4: R–V]. Moscow, Russkiy yazyk, 1999, 688 p.
- Demina L. V. *Svadebnyy obryad slavyan Tyumenskoy oblasti* [The wedding of the Slavs of the Tyumen region]. Tyumen, Ekspres, 2005, 242 p.
- Ekimov M. G. *Russkaya svad'ba sibiryakov Srednego Pritobol'ya (Kurganskaya oblast')* [The Russian wedding of the Middle Pritobolye's Siberians (Kurgan region)]. Kurtamysh, 2002, 481 p.
- Fedorova V. P. *Svad'ba v sisteme kalendarnykh i semeynykh obychaev staroob-ryadtsev Yuzhnogo Zaural'ya* [The wedding in the system of calendar and family customs of Old believers in the South Zaural'ye]. Kurgan, 1997, 284 p.

Kagarov E. G. Sostav i proiskhozhdenie svadebnoy obryadnosti [The structure and origin of wedding ceremonial]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii. T. XVIII* [The collection of Anthropology and Ethnography Museum. Vol. 18]. Leningrad, AN SSSR, 1926, pp. 152–193.

Kal'nitskaya A. M. *Vzaimodeystvie i vzaimosvyazi poezii s obryadom v sredne-russkoy svad'be* [The cooperation and interconnections of poetry with the Middle Russian wedding ceremony]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1984, 24 p.

Kruglov Yu. G. *Russkie obryadovye pesni: Ucheb. posobie* [The Russian ceremonial songs: Textbook]. Moscow, Vyssh. shk., 1982, 272 p.

Lapin V. A. *Muzyka svad'by Srednego Pritobol'ya* [The music of the Middle Pritobolye's wedding]. In: Ekimov M. G. *Russkaya svad'ba sibir'yakov Srednego Pritobol'ya (Kurganskaya oblast')* [The Russian wedding of the Middle Pritobolye's Siberians (Kurgan region)]. Kurgan, Kurtamysh, 2002, pp. 17–35.

Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba Perm-skoy gubernii [Materials for Russian's geography and statistics which were collected by staff officers of the Perm province]. Lieutenant-colonel of the General Staff H. Mozel' (Comp.). Pt 2. St. Petersburg, Tip. F. Persona, 1864, 746 p.

Minenko N. A. *Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [The Russian peasant family in the West Siberia (18th – first half of 19th cent.)]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 350 p.

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [The first Novgorodian chronicle of elder and younger recensions]. A. N. Nasonova (Ed.), M. N. Tihomirov (Ed. In ch.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, 652 p.

Osipov N. O. *Ritual sibirskoy svad'by* [The ritual of Siberian wedding]. *Zhivaya starina*. St. Petersburg, 1893, iss. 1, pt 2, pp. 96–114.

Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memorian* [Folklore and folklife culture. In memorian]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003, 464 p.

Ushakov N. D. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The Explanatory Dictionary of Russian Language: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow, Sov. entsikl., 1935; Vol. 3. Moscow, GIS, 1939.

Zelenin D. K. *Obryadovoe prazdnestvo sovershennoletiya russkoy devitsy* [Ceremonial festivity of Russian girl's estate]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1911. (*Zhivaya starina*: Otd. Ottisk [(Living antiquity: A partial imprint)]. Pp. 234–246).

Zueva T. V., Kirdan B. P. *Russkiy fol'klor: Ucheb. dlya vyssh. ucheb. zavedeniy*. 6-e izd., ispr. [The Russian folklore: A textbook for higher. training. institutions. 6th ed., rev.]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, 400 p.

List of sources

Davydovskoe-81 – Kolleksiya «Davydovskoe-81» [Collection «Davydovskoe-81»]. In: *Arkh. kafedry istorii literatury i fol'klora Kurgan. gos. un-ta. Selo Davydovskoe* [Archives of the Department of History of Literature and Folklore Kurgan. state. Univ. The village Davydovskoe]. 1981.

Ilyino-86 – Kolleksiya «Ilyino-86» [Collection «Ilyino-86»]. In: *Arkh. kafedry istorii literatury i fol'klora Kurgan. gos. un-ta. Selo Davydovskoe* [Archives of the Department of History of Literature and Folklore Kurgan. state. Univ. The village Ilyino]. 1986.

Mostovka-89 – Kolleksiya «Mostovka-89» [Collection «Mostovka-89»]. In: *Arkh. kafedry istorii literatury i fol'klora Kurgan. gos. un-ta. Selo Davydovskoe* [Archives of the Department of History of Literature and Folklore Kurgan. state. Univ. The village Mostovka]. 1989.

Samokhvalovo-91 – Kolleksiya «Samokhvalovo-91» [Collection «Samokhvalovo-91»]. In: *Arkh. kafedry istorii literatury i fol'klora Kurgan. gos. un-ta. Selo Davydovskoe* [Archives of the Department of History of Literature and Folklore Kurgan. state. Univ. The village Samokhvalovo]. 1991.

Shirokovo-88 – Kolleksiya «Shirokovo-88» [Collection «Shirokovo-88»]. In: *Arkh. kafedry istorii literatury i fol'klora Kurgan. gos. un-ta. Selo Davydovskoe* [Archives of the Department of History of Literature and Folklore Kurgan. state. Univ. The village Shirokovo]. 1988.

Utyatskoe-88 – Kolleksiya «Utyatskoe-88» [Collection «Utyatskoe-88»]. In: *Arkh. kafedry istorii literatury i fol'klora Kurgan. gos. un-ta. Selo Davydovskoe* [Archives of the Department of History of Literature and Folklore Kurgan. state. Univ. The village Utyatskoe]. 1988.